

С каждым днем становилось все жарче. Уже в середине марта начали поступать донесения о возможных бедствиях в этом году, а к апрелю провинции Хэнань и Хэбэй сообщили о сильной засухе. Увидев, что засуха набирает силу, я забеспокоилась, как бы наследный принц не воспользовался этим, чтобы подать прошение о приостановке строительства Дворца Шанъян. Под разными предлогами я навещала матушку в надежде выведать хоть что-нибудь. Матушка, похоже, раскусила мои намерения и однажды сама вызвала меня к себе.

— Ты знаешь, что такое хлеб насущный? — с улыбкой спросила она.

Я честно ответила:

— Видела, как матушка занималась ткачеством во время жертвоприношений, а о земледелии не ведаю.

Матушка улыбнулась, покачала головой и, указав на один из докладов, велела:

— Читай.

Увидев, что это прошение наследного принца, я на мгновение застыла. Глаза сами побежали по строчкам, и, лишь убедившись, что там нет ни слова о Дворце Шанъян, я с облегчением принялась читать вслух. Он просил направить инспекторов в регионы, чтобы ускорить сбор зерна и проверить, как идут дела, дабы местные чиновники не бездельничали.

Матушка всё это время сидела с закрытыми глазами, правой рукой ритмично постукивая по краю стола. Когда я закончила, она с улыбкой спросила:

— Как думаешь?

Я ответила:

— Неплохо. Это поможет предотвратить казнокрадство и волокиту.

Матушка загадочно улыбнулась и, помолчав, обратилась к Ванъэр:

— Раз Сыцзы тоже считает, что так будет лучше, — одобряем.

Ванъэр поклонилась, взяла у меня свиток и развернула его на столе.

Я вздрогнула.

— Матушка! — вырвалось у меня запинаящимся голосом.

Она подозвала меня к себе, усадила рядом на колени и, взяв мою руку, обхватила ею кисть.

— Я научу тебя, — сказала она. — Здесь напиши «разрешаю», затем отправь в Императорскую канцелярию для составления указа, потом — в Императорскую chancellery для проверки, и наконец — в Императорский секретариат для исполнения.

Кисть была в моей руке, но водила ею она, и даже через мою руку её почерк оставался твёрдым и сильным, более мужественным, чем утончённый и изящный почерк отца. Закончив, она кивнула Ванъэр. Та аккуратно свернула свиток и передала его придворному еврею. Получив документ, тот тут же удалился. Я смотрела ему вслед, а потом обернулась к матушке.

— Составь ещё один указ, — сказала она Ванъэр. — Пусть провинции Хэдун, Шаньнань и

Хуайнань подготовят запасы зерна на случай неурожая.

Затем она повернулась ко мне:

— Понимаешь, почему именно эти три?

Я смущённо ответила:

— Потому что они граничат с Хэнанью и Хэбэем.

Матушка кивнула и похлопала меня по плечу.

— Ступай. Приходи завтра.

Мне пришлось удалиться. На следующий день, едва войдя в боковой зал, я услышала, что один из цензоров-инспекторов подал доклад. В нём говорилось, что сейчас, в пору созревания пшеницы и шелкопрядов, когда крестьяне заняты урожаем, разъезды императорских посланцев только беспокоят народ и отвлекут от полевых работ. Лучше подождать до конца осенней страды, а уж потом подводить итоги и раздавать награды или наказания. Отец и матушка одобрили это предложение и временно отложили инспекционные поездки. Кроме того, матушка приказала сократить расходы во дворце, начиная с императрицы и вплоть до супруги наследного принца, меня, всех наложниц, служанок, управительниц шести служб и двадцати четырёх управлений. Слуги и евнухи, не имеющие ранга, получили по куску шёлка, а тем, у кого были семьи, выдали рис в помощь на голодные времена.

Только тогда до меня начало доходить, в чём тут суть. Нахлынула горечь. Мы, сидя на вершине власти, принимаем решения с потолка, а внизу, в народе, всё оборачивается иначе. Взять тех же инспекторов: кажется, благое дело — проверить, как идёт сбор зерна. Но разве станут местные власти принимать их без пиров? А кроме приёмов — запросы документов, составление отчётов, допросы... Всё это требует рук. У крестьян и без того горячая пора, а тут ещё такая обуза. К осени урожай и вовсе может пропасть. Уверена, наследный принц, человек отзывчивый, подал то прошение из добрых побуждений. Но, не зная реального положения дел, он, сам того не желая, мог навредить. Матушка же могла остановить его заранее, но предпочла дожидаться, пока указ пройдёт через канцелярию и чиновники будут уже отобраны, а затем позволила инспектору его опротестовать. Это был прямой удар по репутации наследного принца. Особенно сейчас, когда все заслуги приписывают императору, а все промахи сваливают на подданных. Такой указ явно показывал: Небесный Император и Императрица-мать в курсе дел, а вот наследный принц, по молодости лет, не разобрался. Конечно, он не совсем безнадёжен, просто кто-то надумил его подать ту бумагу — слишком уж он ещё молод.

Поняв это, я почувствовала облегчение: как хорошо, что я вовремя перешла на сторону матушки.

* * *

Все эмоции этой девушки были написаны у неё на лице так откровенно, что казалось, будто она сама этого не замечает.

С первого дня во дворце Вэй Хуань обратила на неё внимание. Разумеется, она не могла не обратить. Ведь эта девушка была её будущей ступенькой к успеху, надеждой на богатство и процветание для неё самой и её брата. Она была не только номинальной госпожой для всех этих юных служанок, но и единственной возможностью для Вэй Хуань надолго закрепиться во дворце. В нынешние времена у таких, как она, девушек из побочных ветвей знатных семей

шансов было не так уж много.

Прошло уже десять дней с тех пор, как Вэй Хуань вошла во дворец, но она до сих пор иногда вспоминала лицо брата, Ушэнжэня, в день отъезда: он словно хотел что-то сказать, но не решался. В их семье было много дочерей, и почти каждая мечтала последовать за Вэй Синь ко двору. Их братья, сёстры и родители тоже лелеяли эту надежду. Пока не определились со свитой, порог дома главы клана и клана Цуй буквально стёрли от наплыва просителей. Но Ушэнжэнь, всегда любивший сестру, неожиданно отыскал Вэй Хуань и принялся уговаривать её не ехать.

— Это не место для нас с тобой, — говорил он, и в голосе его слышались боль и страх.

Вэй Хуань ненавидела, когда Ушэнжэнь говорил таким тоном.

— Ты забыл о матушке и Цинян? — сквозь зубы бросила она ему в ответ и, не дожидаясь ответа, топнула ногой и ушла в свою комнату — спокойно ждать вызова ко двору.

Она была уверена, что её выберут. Несмотря на возраст, образование и родственные связи, один только расчётливый характер отца гарантировал, что такая удача не ускользнёт к чужакам, даже если это будут его собственные братья. Ведь устройством Вэй Синь при дворе занимался клан Цуй.

Клан Цуй был её матерью. Настоящую мать Вэй Хуань звали «тётя». Она была девятой среди многочисленных наложниц отца, поэтому её и звали Девятой тётёй. Ушэнжэнь называл её «Девятой тётёй», но Вэй Хуань настаивала просто на «тёте». Оба обращения были унижительными, но ей казалось, что просто «тётя» звучит уникальнее и как-то ближе к «матушке».

<http://bllate.org/book/16278/1466372>